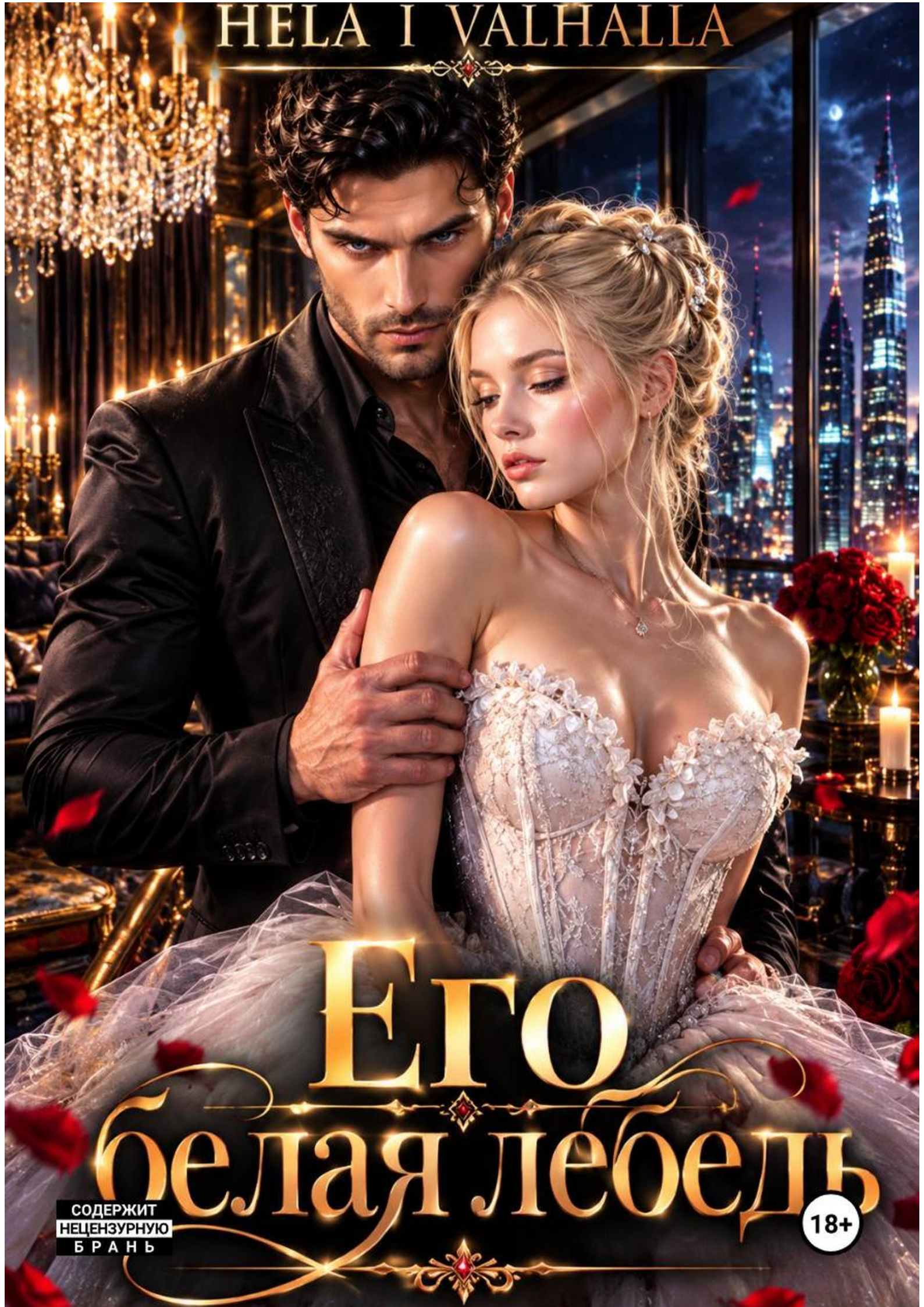

HELA I VALHALLA

ЕГО белая лебедь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Hela i Valhalla
Его белая лебедь

«Автор»

2026

Valhalla Н.

Его белая лебедь / Н. Valhalla — «Автор», 2026

Застать измену любимого с моей приемной сестрой в нашей постели — это сокрушительный удар. Но я нашла способ ответить еще больнее. В ту же ночь, задыхаясь от слез и ярости, я толкнула себя в бездну. Я притянула за галстук и поцеловала Кейда — властного, жесткого мужчину, который обручен с моей сестрой. Я хотела лишь забыться, выпить и отомстить. Но я совершила роковую ошибку, решив поиграть с дьяволом. Одна ночь, стирающая любые табу. Отрезвляющая, первобытная страсть, от которой плавится сознание. Оказалось, Кейд ждал этого шанса годами. Его фальшивый контракт с сестрой — лишь ширма, а пугающая, темная одержимость мною — моя новая реальность. Мой отчаянный поцелуй сорвал с него цепи, и теперь этот мужчина не остановится, пока не подчинит меня себе. Полностью. Мой мир летит к чертям под напором его безумного, собственнического притяжения. Но самое страшное впереди: тест показал две полоски. И теперь я ношу ребенка хищника, который запер меня в своей клетке.

© Valhalla Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Знакомство с персонажами	6
Пролог	9
Глава 1	16
Глава 2	18
Глава 3 + иллюстрации	20
Глава 4 + иллюстрации	24
Глава 5 + иллюстрация	28
Глава 6 + иллюстрация	31
Глава 7 + иллюстрация сцены	35
Глава 8 + горяченькое	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Hela i Valhalla

Его белая лебедь

Его белая лебедь
Hela i Valhalla

Знакомство с персонажами

Здравствуйте! Хотелось бы вас познакомить поближе с моими персонажами.

Также буду рада вашей оценке артов и иллюстраций! Не забывайте писать в комментариях кого бы вы хотели бы увидеть или какую иллюстрацию хотели бы в следующий раз. Буду рада любой обратной связи.

А теперь, встречайте!

Диана (главная героиня и балерина) после тренировки:

Кейд (наш властный герой и оружейный инженер, владелец собственной компании):

Пролог

Сквозь панорамные, неприкрытые шторы окон первого этажа спальня была видна как на ладони. Точнее — порочный спектакль, разыгравшийся внутри. На мужчине не было одежды, и его подтянутое, рельефное тело с резко проступившими от напряжения венами двигалось в рваном, животном ритме. Его тяжелые, крепкие ладони скользили по узкой спине обнаженной девушки, до боли вжимая её бедра в свой пах. С каждым глубоким толчком она выгибалась, шумно хватая ртом воздух, и дергалась, слабо пытаясь отстраниться. Но цепкие мужские пальцы перехватывали её то за шею, то за таз, грубо ломая любое сопротивление и заставляя подчиниться. В такт безумным движениям хриплые вздохи смешивались с постыдными, громкими стонами.

Именно эту грязь я застала, вернувшись из оперного театра на час раньше. Мой парень и моя приемная сестра. В нашей постели. Я не помнила, как выбежала из дома. Очнулась уже в глубине сада, под проливным, ледяным дождем. Единственное, что мне оставалось — задыхаться от гипервентиляции и плакать, пока легкие выжигало от нехватки кислорода. Плечи дрожали, сокрушая моё хрупкое тело. От бессильной ярости и горечи я до хруста в пальцах сжала атласные ленты пуантов в руках, едва не разрывая ткань.

Все, чего я хотела в этой жизни — капли признания от родителей. Но приемной сестре, которую они забрали после смерти дальних родственников, всё доставалось по щелчку пальцев. Ей не нужно было совершать подвигов. Достаточно просто дышать, чтобы весь мир падал к её ногам. А теперь она забрала и моего мужчину.

Внезапно со спины меня окутало плотное, тяжелое сукно, пахнущее дорогим парфюмом, табаком и ментолом. Мужской пиджак. Я резко вскинула голову и столкнулась с пристальным, пугающе темным взглядом. Кейд. Жених моей святой сестры. Обученный с ней в силу бизнеса нашей семьи. Он смотрел на меня так, словно посреди этого шторма нашел самое порочное и желанное сокровище в мире.

В тот миг во мне сломалось всё. Дикое, ядовитое желание отомстить идеальной сестре и заставить парня захлебнуться точно такой же болью ослепило разум. Плевать на табу. Я рванула брюнета за галстук на себя, заставляя наклониться, и впилась в его губы яростным, отчаянным поцелуем.

Жесткая щетина обожгла нежную кожу, но его губы оказались податливо-мягкими и горячими. На секунду мир замер: исчезли капли дождя, стерлись отзвуки чужого оргазма из окон особняка. Было только его опаляющее дыхание и монолитная, твердая грудь под тонкой сорочкой, к которой он намертво прижал мою хрупкую фигуру. По сравнению с ним я казалась тонкой тростинкой, и Кейд мог оттолкнуть меня одним движением. Но он этого не сделал. Напротив, его тяжелая ладонь по-хозяйски скользнула по моей мокрой спине, собственнически сминая талию и насаживая меня на свой жесткий силуэт.

Воздух кончился. Осознание того, насколько опасную игру я начала, ударило в голову. Я попыталась отстраниться, прервать поцелуй, но Кейд не отпускал. В его потемневших глазах вспыхнуло дикое, голодное желание зайти гораздо дальше. Мне стало до безумия стыдно за свою слабость, и я судорожно попыталась перевести тему, лишь бы не утонуть в этом омуте.

— Мне нужно выпить... — выдохнула я прямо в его влажные губы.

Его взгляд опустился ниже. Я даже не заметила, как его большой палец медленно, с намеренным нажимом очертил мои распухшие, горящие от поцелуя губы. Кожу прошибло током. Я внутренне сжалась. Что я творю? Чем я тогда лучше той твари, что прямо сейчас кувырывается в моей спальне?

Я знала, что Кейд презирает алкоголь. Трезвый, холодный трудоголик, сколотивший состояние на инженерии и закрытых контрактах. Я ни разу не видела его пьяным на раутах, поэтому отчаянно надеялась на жесткий отказ. Это бы меня отрезвило.

— Пошли. Я знаю одно подходящее место, — его голос прозвучал низко, с едва уловимой опасной хрипотцой.

Я растерянно моргнула, сглатывая комок в горле. Подходящее место? Отказаться сейчас, когда мосты сожжены, было бы верхом глупости.

Не дожидаясь ответа, Кейд мертвой хваткой перехватил мою ладонь и повел за ворота особняка. У обочины, хищно поблескивая под каплями дождя, зарычал тяжелый черный мотоцикл. Кейд перекинул ногу через сиденье и потянул меня следом, заставляя сесть вплотную и прижаться мокрой грудью к его спине.

— Держись крепче. Я вожу быстро. И жестко.

Он надел шлем, а я шагнула ближе и обняла его со спины, крепко обхватив напряжённый торс. Сердце бешено колотилось в рёбра от опьяняющей близости. И зачем я только предложила выпить?

Присутствие этого мужчины и без того вызывало во мне бурю необъяснимых, запретных эмоций. Но после того, как парень изменил мне с собственной сестрой, азарт окунуться в этот омут с головой стал невыносимым.

— Кого ждёшь? Заводи давай.

— Уже раскомандовалась, вижу, — хмыкнул Кейд.

Вскоре тишину взорвал громopodobный рёв двигателя. Кейд не соврал. Этот вечный праведник, трезвенник и трудоголик водил мотоцикл словно дикий, дорвавшийся до свободы мальчишка.

— Ах!.. — я тихо вскрикнула от неожиданного рывка и вцепилась в него мёртвой хваткой.

Прижавшись к его спине, я отчётливо ощущала, как громко и мощно стучит его сердце. Кончики ушей мгновенно вспыхнули. На память невольно пришли прошлые времена, когда я считала его главным занудой в своей жизни — он вечно читал мне нотации и пытался контролировать, даже несмотря на статус жениха моей сестры.

Когда мы притормозили у входа, Кейд снял шлем и глянул на меня с ухмылкой самодовольного павлина. В любое другое время я бы быстро сбила с него эту спесь, но после такого тяжёлого вечера хотелось только одного — заглушить боль алкоголем.

Запутавшись в плотном узле собственных мыслей, я совершенно потеряла счёт времени и не заметила, как рёв мотора смолк, а мы припарковались у небольшого ночного клуба. Заведение, скрытое в глубине городских улиц, не поражало масштабами, но сквозь панорамные окна лился мягкий, приглушённый неоновый свет, обещавший долгожданное уединение. Внутри пахло дорогим табаком, цитрусовой свежестью и хорошим алкоголем.

За стойкой харизматичный бармен с притягательной, ленивой улыбкой ловко подбрасывал шейкер. Мне отчаянно хотелось сжечь дотла воспоминания о сегодняшнем предательстве, поэтому, едва опустившись на высокий стул, я заказала один за другим два крепких авторских коктейля.

Ядовито-сладкая жидкость приятно обожгла горло. Но стоило мне сделать последний, жадный глоток из второго бокала, намереваясь позвать бармена снова, как на моё запястье опустилась тяжёлая, горячая ладонь Кейда. Его хватка не была болезненной, но в ней чувствовалась непреклонная, властная сила, не терпящая возражений.

— Может, хватит на сегодня? — его голос, обычно ровный и сдержанный, сейчас прозвучал непривычно низко, с едва уловимой опасной хрипотцой. — Мне кажется, ты перебираешь, Диана.

Я резко повернула к нему голову, чувствуя, как злость и обида закипают внутри с новой силой. Кончики пальцев покалывало от алкоголя.

— Такому правильному, идеальному во всём мужчине, как ты, никогда не понять, что сейчас творится у меня в душе, — я попыталась выговорить это твёрдо, но получилось смазанно, полупьяно. Рассудок предательски плыл. — Что чувствует простая девчонка, которую так грязно и подло обманул собственный парень... с её же сестрой.

В силу дикого голода после изнурительной тренировки алкоголь подействовал в разы быстрее, чем я ожидала. Изголодавшийся организм впитал спиртное как губка, мгновенно ослабляя и без того расшатанные границы моего разума. Защитные барьеры рушились один за другим. Меня окутало блаженное, обманчивое тепло, будто я медленно погружалась в тёмный, тягучий омут, где все проблемы, предательства и боль внезапно теряли свои чёткие контуры, становясь незначительными.

Кейд ничего не ответил на мою тираду. Он лишь молча впился в меня своим фирменным, нечитаемым взглядом. Его тяжёлые тёмные глаза медленно, почти осязаемо скользнули по моему лицу, спустились к шее, ключицам и прошлись ниже, по фигуре. Этот досмотр буквально раздевал меня, пожирал изнутри, заставляя затаить дыхание. На мне был самый обычный, ничем не примечательный спортивный костюм, в котором я ещё пару часов назад занималась в зале, но под его гипнотическим, собственническим прицелом ткань будто истончилась. Мне внезапно стало невыносимо жарко, душно и чертовски неуютно. Внутри всё сжалось от странного предчувствия — опасного, но будоражащего.

Пытаясь заглушить этот внезапный внутренний трепет и сбежать от его взгляда, я упрямо высвободила руку и продолжила заказывать алкоголь. Ещё один коктейль, затем другой, смешивая разные вкусы и крепость, окончательно погружаясь в беспамятство.

Я совершенно не помню, что происходило дальше. Из памяти напрочь стёрлось, сколько времени мы там провели, о чём спорили и о чём вообще говорили в тот злополучный вечер. Реальность превратилась в размытый калейдоскоп из вспышек неоновых огней и глухих басов, бьющих по барабанным перепонкам. Но кое-что мой пьяный разум зафиксировал слишком чётко, выжгя в памяти до мельчайших деталей.

Я отчётливо помню горячие, жилистые и невероятно крепкие мужские руки, которые в какой-то момент легко, словно я ничего не весила, подхватили меня, обхватив за туловище и плечи. Помню пьянящее чувство невесомости, когда Кейд уверенно нёс меня на руках прочь из шумного заведения в сторону ближайшего отеля неподалёку. В голове не отложилось, кто расплачивался на ресепшене, как выглядел хол и на каком этаже находился наш номер. Но до сих пор, стоит мне закрыть глаза, я кожей ощущаю обжигающее, прерывистое дыхание Кейда у самых моих губ, пока он бережно, но властно укладывал меня на мягкую постель. И я слишком хорошо помню его тяжёлый, дурманивший вес, когда он навалился сверху, удерживая своё мускулистое тело на локтях всего в паре сантиметров от меня, и не позволяя мне сделать ни входа, ни выхода без его молчаливого позволения.

Его тяжёлое, мускулистое тело вдавливало меня в матрас. Он навис сверху, лишая воздуха, но от этой близости моё сердце лишь пустилось вскачь, а взгляд намертво приковало к его глазам. Казалось, от бешеного, неутомимого желания его зрачки расширились, поглотив радужку и затопив всё вокруг темнотой. Тьмой, в которой отчаянно хотелось утонуть... Было ли это действие алкоголя или моё собственное глухое желание забыться?

— Кейд... мы не должны. Ты ведь жених моей сестры... — пытаюсь ухватиться за остатки разума, я сопротивлялась этому дьявольскому притяжению.

Но он прервал меня, прижав указательный палец к моим губам и властно, слегка надавливая на них.

— Не думай об этом. Наша помолвка всего лишь сухой контракт ради бизнеса. Она никогда не была мне интересна, — выдохнул он, не отрывая завороченного, почти безумного

взгляда от моего лица. В этом взгляде читалось то, что он скрывал слишком долго, — глухая, пугающая одержимость.

— Но... — я попыталась возразить, но Кейд не позволил, медленно очерчивая контур моих губ, заставляя их гореть.

— Тш-ш, просто сосредоточься на нас... — его обжигающее дыхание ласкало кожу, когда он наклонился к самому уху.

В следующую секунду я задохнулась от скользнувшего по раковине уха к шее горячего языка. Он спускался ниже, оставляя влажные, жаркие следы на каждом открытом участке кожи.

Мне оставалось только судорожно сжимать челюсти, пытаюсь сдержать тихие вздохи разгорающегося изнутри пожара. Рассудок окончательно сдался: я и сама не заметила, как мои руки взлетели вверх, обвивая его плечи, и пальцы судорожно поползли по крепким, напряжённым рельефам мышц сквозь тонкую ткань его рубашки.

Сердце бешено колотилось о рёбра. Клянусь, в этой тишине он слышал каждый оглушительный удар. Дыхание перехватывало от одного лишь движения его губ и горячего языка. Меня окутал дурманный шлейф дорогого табака с едва уловимой, резкой ноткой свинца. Похоже, он приехал прямиком из мастерской — после того, как застал меня под проливным дождём на улице.

Кейд владел собственной компанией в сфере оружейного проектирования. Он был не просто боссом, а гением своего дела: лично создавал прототипы и руководил командой инженеров, доводя каждую деталь до смертоносного идеала. Из-за этого Кейд всегда казался мне безумно опасным, слишком близким к тёмной, криминальной изнанке города. Но этот тонкий запах металла на его коже лишь доказывал — он работал. Сам.

Он обхватил губами нежную кожу на моей шее, прямо там, где испуганно бился пульс, и прижался сильнее, заставляя меня выгнуться навстречу. Я не смогла сдержать тихого, сорвавшегося стоны:

— Ах...

— О чём задумалась, моя лебедь? — тихо спросил он, касаясь губами стремительно наливающегося багрянцем следа.

— О тебе... — под гипнотическим влиянием его ауры соврать не получилось бы при всём желании.

Кейд взглянул на меня с едва заметной ухмылкой. На его обычно холодном, непроницаемом лице это была такая редкая, интимная эмоция, что я непроизвольно потянулась к нему. Мои пальцы ласково скользнули по его щеке, очерчивая резкие контуры скул и упрямый подбородок.

— Обо мне ты вольна думать сколько угодно... — его голос стал на тон ниже, а пальцы властно перехватили моё запястье. — Но сейчас растворись во мне. Думай только о нас.

Его властные губы и обжигающий язык спускались всё ниже, к моим ключицам, пока жилистая рука уверенным движением тянула вниз бегунок молнии на моей спортивной куртке. Напрочь позабыв о гордости, я сама выгнулась навстречу, помогая ему избавиться от лишней ткани.

Едва плотная куртка соскользнула с моих плеч, его большая, горячая ладонь по-хозяйски скользнула под край футболки, оглаживая плоский живот. В то же мгновение Кейд с глухим рыком приник к нежной коже над ключицей, жадно втягивая её в тягучем поцелуе.

Мои пальцы, судорожно обвивавшие его плечи, впились в плотную ткань его рубашки, прижимая его к себе ещё ближе, сильнее — так, чтобы между нами не осталось и миллиметра воздуха. Мы оба стремительно тонули в этом омуте запретной страсти.

Похоже, моя покорность лишь до предела взвинтила его голод. Издав низкий, утробный рык, Кейд резко рванул ворот моей футболки — тонкий трикотаж с треском разошёлся под его пальцами, и испорченная ткань полетела куда-то на пол.

Я судорожно вздохнула, оставшись перед ним почти обнажённой. Его губы тут же опустились ниже, обжигая ложбинку моей скромной груди, в то время как большие ладони скользнули мне за спину. Секунда — и он уверенным, привычным жестом расстегнул застёжку лифчика, окончательно освобождая меня от остатков брони.

На мгновение Кейд замер, отстранился, и его потемневший, томный взгляд медленно скользнул по моей обнажённой коже. От этого жаркого осмотра щёки обожгло стыдливым румянцем. словно юная девственница, хотя я давно ею не была, поддавшись непривычному стеснению, я поспешно спрятала лицо в ладонях.

Кейд лишь тихо хмыкнул. Он мягко перехватил мои запястья своими большими пальцами, бережно развёл их в стороны и заставил меня встретиться с ним глазами.

— Ты прекрасна, моя белая лебедь... Не смей прятаться от меня, — он запечатлел поцелуй на внутренней стороне каждой ладони, а затем снова навалился сверху всем своим тяжёлым горячим телом, переключаясь на мою грудь.

По комнате разнёсся мой рваный, судорожный вздох. Сдерживать стоны стало окончательно невозможно, когда его влажный язык начал мастерски очерчивать ареолу, дразня и лаская затвердевший сосок.

На мои стоны и вздохи его движения стали жёстче, властнее. Казалось, он наслаждался моим туманным от алкоголя разумом. Но в этом опьянении его касания зажигали по всему телу такие искры, каких прежде не мог вызвать никто. Даже мой возлюбленный, который предал меня и прямо сейчас проводит ночь с моей младшей сестрой.

Его щетина игриво царапала кожу, в то время как губы несито ласкали затвердевший сосок.

— Ах... ещё... — выдохнула я, выгибаясь навстречу его обжигающим поцелуям и окончательно теряя связь с реальностью.

Стыд, который ещё мгновение назад заставлял прятать лицо, сгорел дотла, оставив после себя лишь чистую, первобытную потребность. Потребность переписать эту ночь, заглушить ноющую боль в груди чужой, властной силой. Если мне суждено сломаться, то пусть это сделает тот, кто смотрел на меня как на единственную ценность в этом проклятом мире.

Кейд глухо зарычал, и этот звук отозвался вибрацией где-то глубоко во мне. Его ладонь переместилась на талию; пальцы больно впились в кожу, оставляя будущие синяки, но эта легкая боль лишь отрезвляла, делая каждое ощущение пугающе острым. Он приподнял меня, заставляя теснее прижаться к своему жесткому телу, и возобновил терзающие, тягучие поцелуи, спускаясь от груди к подреберью, а затем к животу.

— Ты моя, — его голос, хриплый и прерывистый, прозвучал над самым ухом как приговор. — Моя, слышишь? Больше ни один ублюдок не посмеет коснуться тебя.

Он не спрашивал разрешения. В каждом движении, в том, как тяжело и требовательно он дышал мне в шею, сквозила многолетняя, тщательно подавляемая одержимость, которая наконец вырвалась на свободу. Кейд перехватил мои руки, вскидывая их над головой и намертво фиксируя одной ладонью на матрасе.

Я оказалась полностью беззащитна перед ним, скованная его весом и собственным хмельным бессилием. Но вместо страха разлилось странное, облегчающее чувство капитуляции. Перед глазами на секунду вспыхнуло лицо предателя, но тут же растаяло, вытесненное запретным, затапливающим жаром, который Кейд зажигал во мне с каждым новым прикосновением.

— Смотри на меня, — приказал он, и я послушно открыла глаза, тоня в темноте его расширенных зрачков.

— Навсегда забудь о ком-либо другом. Сегодня ты принадлежишь только мне.

Его свободная рука скользнула ниже, и мир вокруг окончательно перестал существовать. Нетерпеливо он потянул вниз мои спортивные штаны, оставляя только нижнее бельё, уже намокшее от его интенсивных ласк.

Жадный взгляд, который Кейд направил на влажный след, заставил меня вспыхнуть. Моя бледная кожа от шеи до груди моментально залилась горячим румянцем.

— Не смотри на меня так! – выдавила я тихо.

— Это как? – с ухмылкой хищника он заглянул мне в глаза.

— Как будто хочешь сожрать меня целиком... – сорвалось с губ первое, что пришло в пьяную голову.

Он низко, гортанно хохотнул. Я впервые видела его смеющимся, и это зрелище завораживало. Сердце в груди испуганно и сладко подпрыгнуло от неожиданности.

— Диана, я хочу овладеть тобой полностью... даже если для этого мне придётся сожрать тебя... – его взгляд снова опустился вниз, а пальцы погладили ткань трусиков, отчего я вздрогнула и застонала. Он же продолжал водить по линии шва вверх и вниз с томной ухмылкой.

— Ты такая чувствительная... – мужчина властно сжал мои запястья одной рукой, а пальцами другой скользнул под шелк белья, касаясь ноющей, требовательной плоти.

— Ах... с-слишком... — я забыла, как дышать, когда он стал ласкать клитор, а затем глубоко проник внутрь, мастерски играя моим телом так, как не умел никто до него.

— Для меня — в самый раз, — выдохнул он мне в губы, заглушая очередной стон глубоким, хозяйским поцелуем.

Его пальцы двигались с безжалостной уверенностью, пробуждая такие волны жара, против которых у хмельного разума просто не было оружия. Кейд действовал как хищник, который слишком долго выслеживал добычу и теперь смаковал каждую секунду её капитуляции. Контраст между жесткой хваткой на запястьях и невероятно точными, сводящими с ума ласками внизу заставлял меня выгибаться на матрасе, полностью растворяясь в ощущениях.

— Кейд... пожалуйста... — я уже сама не знала, о чём умоляю: прекратить эту сладкую пытку или наконец покончить с ней.

— Тише, Диана. Смотри на меня, когда я беру то, что принадлежит мне, — его голос упал до опасного, вибрирующего шепота.

Он слегка приподнялся, и я услышала тихий, резкий звук расстегивающейся молнии. В полумраке комнаты его силуэт казался огромным, подавляющим. Всякая мысль о прошлом, о сестре, о запретах испарилась, выжженная этой первобытной, пугающей одержимостью. Существовал только этот мужчина, готовый разрушить весь мой привычный мир ради одной этой ночи.

Кейд перехватил мои бедра, разводя их шире и лишая последней попытки закрыться. Его взгляд, темный и поглощающий, заставил мое сердце замереть на долю секунды, а в следующую — он резко и до конца вошел в меня, заставляя выкрикнуть его имя прямо в подставленные губы.

Мир окончательно рухнул, но в его объятиях это падение казалось самым желанным грехом. С каждым резким и глубоким толчком все сомнения и разумные мысли исчезали, заставляя забыться в руках этого мужчины.

— Ещё... глубже... — простонала я в его горячие губы, дрожа от напора.

Кейд низко зарычал, двигаясь быстрее и жестче. Каждый толчок буквально впечатывал меня в матрас. В омуте его объятий тугой узел, собиравшийся внизу живота, наконец лопнул: с лёгким вскриком мои глаза закатились, высвобождая все накопленное напряжение горячей волной. Лоно судорожно и крепко сжало его пульсирующую плоть, доводя нас до совместного, оглушительного оргазма. Я чувствовала, как внутри разливается его обжигающее тепло. Напо-

следок он снова впился в мои губы, то ли перехватывая дыхание, то ли, наоборот, помогая дышать.

Выровняв дыхание, он освободил мои руки и лег на спину, крепко прижав меня к себе. Уткнувшись ему в плечо, я слушала размеренный, ритмичный стук его сердца, пока мой собственный пульс постепенно приходил в норму. Моя ладонь покоилась на его твердой, мускулистой груди. В этом горячем, убаюкивающем омуте его объятий я окончательно провалилась в царство Морфея...

*****Утро*****

Я проснулась оттого, что солнце вовсю било в окно, окрашивая комнату в теплые янтарные тона. Присела на кровати и тут же поморщилась от ожидаемой головной боли — расплата за вчерашнюю пьянку. Но куда больше меня заставила нахмуриться тянущая, непривычная ломота во всем теле.

— Что, чёрт возьми, произошло ночью?.. — едва слышно прошептала я, потирая виски.

Воспоминания о Кейде внезапно нахлынули лавиной, и меня бросило в жар. Словно почувствовав мое движение, его тяжелая рука прямо во сне по-хозяйски сжала мою талию, увлекая обратно на подушки. Я замерла и осторожно повернулась к нему.

Растрепанные темные волосы резко контрастировали с белоснежной наволочкой. Кейд спал теперь на животе, уткнувшись лицом в подушку. В ярких лучах утреннего света мощная мускулатура его широкой спины, на которой красовалась татуировка оскаленного волка, казалась вылитой из бронзы.

Сердце забилося где-то в горле.

«Что же я натворила? Из всех мужчин на свете... именно с Кейдом? С женихом моей сестры?! С тем самым холодным, непьющим сухарем? Нет, нет, нет...» — паника затопила разум. В голове не укладывалось, как всё завязалось в этот кошмарный узел: бывший сейчас в постели моей сестры, а я — в постели её жениха. Эта было слишком для мести. Даже для меня.

Понимая, что нужно бежать, пока я не увязла в этой катастрофе еще глубже, я осторожно выбралась из-под его руки. Кое-как собрав с пола вещи, я поняла, что мой топ безнадежно порван. Схватив со стула мужскую рубашку, я быстро натянула её, сверху накинула куртку и запыгнула в спортивные штаны.

Оглянувшись напоследок на спящего мужчину, я как ошпаренная вылетела из гостиничного номера, молясь только об одном — чтобы он не проснулся до того, как за мной закроется дверь.

Тогда я наивно думала, что на этом всё и закончится. Что, проснувшись в одиночестве, Кейд сам всё поймет. Осознает, что эта безумная ночь была лишь роковой ошибкой, порожденной чужим предательством и алкоголем, и она больше никогда не повторится.

Но я и представить не могла, что спустя всего несколько недель буду стоять в душной кабинке общественного туалета и, задыхаясь от катящейся навстречу катастрофы, смотреть на тест с четкими двумя полосками...

Я посмотрела на телефон, чтобы посмотреть на дату в календаре. Нужно было вычислить, кто является отцом мой возлюбленный Нейт или же тот самый опасный жених сестры... Кейд...

Дата... время совпадало идеально. Виновник несомненно Кейд.

Глава 1

От лица автора

Скрип старого паркета в репетиционном классе Диана помнила лучше, чем голос собственной матери. Не голос — именно этот скрип. Сухой, протяжный, с характерным прихлопом в конце, когда доска возвращалась на место. Он въелся в подсознание вместе с резким запахом канифоли, которой балерины натирали подошвы туфель. Взрослые говорили, что это запах профессии. Диана думала, что это запах боли. Просто к нему можно привыкнуть.

Ей было девять. Ноги гудели той мелкой, изнуряющей дрожью, которая не проходит даже ночью — лежишь и чувствуешь, как икры подрагивают сами по себе, живут отдельной, нежеланной жизнью. Пальцы в кровь стерлись о жесткую внутреннюю ткань пуантов, и на светлых атласных лентах успели проступить бурые пятна.

— Выше стопу, Диана. Не спи.

Изольда Марковна не повернула головы. Она смотрела только в зеркало — огромное, от пола до потолка — где отражался десяток одинаково бледных девочек в черных купальниках с одинаково заправленными волосами. Диана иногда думала, что хореограф вообще не видит их живыми людьми. Только отражениями. Движущимися формами, которые нужно подогнать под образец.

— Лебедь не падает на воду мешком, Диана. Она опускается.

Диана сглотнула сухую слюну. К горлу подкатил знакомый горький комок — не от боли, нет, к боли она давно привыкла. От чего-то другого. От того, что снаружи за запотевшим окном класса уже темно, а значит, скоро за ней приедет мама. Мама посмотрит на неё. Может быть, скажет что-нибудь. «Сегодня неплохо» стоило сотни содранных мозолей. Только в тот вечер мама не приехала. У входа в балетную школу стоял отец. Дорогое пальто расстегнуто, телефон в руке, взгляд в экран. Он выглядел непривычно — рассеянным, почти чужим среди этого детского, пахнущего потом и лаком для волос вестибюля, где мамы других девочек уже подхватывали своих и на ходу вытирали им лица влажными салфетками.

— Быстрее переодевайся. — Он не посмотрел на неё. — Дома поговорим. Там... гости.

Слово «гости» он произнес так, словно оно весило больше, чем должно. В машине пахло кожей и отцовским парфюмом, и Диана прижалась лбом к холодному боковому стеклу, разглядывая огни вечернего города. На заднем сиденье лежали незнакомые коробки и старый, потертый по углам чемодан из дешевого кожзаменителя. От него пахло сыростью. Чужим домом.

Когда они приехали, в особняке горел весь свет — даже на веранде, которую обычно открывали только летом. Мама вышла им навстречу из гостиной. Строгий домашний костюм, идеальная прическа чуть растрепалась — это само по себе было необычно. И в глазах что-то непривычное. Живое, лихорадочное. Она прошла мимо Дианы, забирая у отца портфель.

— Вещи Лизы внизу? Роберт, нужно поднять их на второй этаж. В гостевую.

— Мам. — Диана не сдвинулась с места, всё еще в куртке, с сумкой на плече. — Кто такая Лиза?

Мама остановилась. Нахмурилась — секунду, не больше — словно только сейчас заметила дочь.

— Дочка дальних родственников по линии дяди. Случилось несчастье, родителей больше нет. Теперь она будет жить с нами. — Пауза. — Будь к ней добра, Диана. Ей сейчас очень тяжело.

«Очень» она выделила особенным тоном. Мягким. Диана не сразу поняла, почему от этого слова стало неприятно — и только потом сообразила: этой мягкости она никогда прежде не слышала. Ни разу. Ни когда плакала после особенно жестокой тренировки. Ни когда сломала

ноготь до живого мяса и молчала весь вечер, потому что балерины не раскисают. Она медленно прошла в гостиную.

У панорамного окна, сжавшись в комок на краю бархатного кресла, сидела девочка. Примерно одного с Дианой возраста, может, чуть меньше. Застиранный кофточка с каким-то поблекшим рисунком, темные джинсы с вытертыми коленями. Ноги в дешевых кроссовках не доставали до пола и сиротливо качались в воздухе. Светлые волосы, завязанные в неаккуратный хвост. Огромные, заплаканные глаза. На щеках еще не высохли дорожки от слез. В руках она держала плюшевого мишку — старого, полуоблезлого, с оторванным ухом — и сжимала его так, что костяшки пальцев побелели. Диана остановилась в паре шагов. Они смотрели друг на друга. Одна — в балетной сумке, с запахом канифоли и дисциплины, с чужой кровью на лентах пуантов. Другая — пахнущая дорожной пылью, чужим горем и тем особым запахом сиротства, который Диана не могла бы описать словами, но мгновенно узнала. Лиза испуганно втянула голову в плечи.

— Я Диана, — сказала хозяйка дома. Голос вышел суше, чем она хотела. Сказалась усталость — или что-то другое, уже начавшее зарождаться где-то под ребрами.

— Лиза, — едва слышно отозвалась девочка. Голос осипший, как будто она долго плакала и ещё не отплакала.

В этот момент вошла мама. В руках — чашка горячего чая с лимоном. И одеяло. То самое пушистое, кремовое одеяло, которое Диана просила в прошлые выходные, когда простудилась и лежала с температурой, а мама сказала, что балерины не раскисают от легкого озноба.

— Вот, выпей, — мама опустила на корточки перед Лизой и накрыла её ноги одеялом. Голос — тихий, почти нежный. — Тебе нужно согреться. Ты теперь дома. Здесь тебя никто не обидит.

Лиза посмотрела на неё. Сделала маленький глоток чая, всё ещё не выпуская мишку. На её губах появилась слабая, дрожащая улыбка. Диана стояла в тени коридора и смотрела. Что-то внутри неё надломилось — тихо, почти без звука. Как ломается тонкий лёд, когда на него наступаешь слишком осторожно и всё равно проваливаешься.

Этой девочке не нужно было тянуть носок до судорог. Не нужно было взвешиваться каждое утро и задерживать дыхание, пока стрелка успокаивается. Не нужно было зарабатывать «неплохо» кровью на паркете. Ей было достаточно просто сидеть в кресле и плакать. Просто быть несчастной — и этого хватило, чтобы получить то, что Диана не могла получить годами. Она развернулась и пошла к лестнице. Тихо, стараясь не скрипеть половицами. В руках она машинально сжимала атласные ленты пуантов. Они были жесткими и холодными, как почти всё в этом доме.

Глава 2

От лица Дианы

Утром я вскочила пораньше: впереди были уроки балета. Быстро умылась, причесалась и принялась искать толстовку, которую сняла вчера вечером. В спешке перерыла всю комнату — пусто. Заглянула в корзину с грязным бельем, потом проверила стиральную машину, но металлический барабан встретил меня лишь гулкой пустотой и тишиной — прибор даже не включали.

Решив не тратить драгоценное время, я натянула другую кофту и спустилась вниз. Очень хотелось перехватить хоть какой-то кусок перед тренировкой, причем сделать это незаметно. Мать вечно измеряла меня оценивающим, ледяным взглядом, а каждая лишняя калория в её глазах становилась преступлением, разрушающим фигуру будущей балерины. Но порой от этого вечного кулинарного террора у меня так темнело в глазах, что внутри всё сжималось от липкого страха: меньше всего хотелось рухнуть в обморок на глазах у чужих людей в зале.

Родители в такой час обычно еще спали. Наверное, и эта Лиза тоже. Мне почти удалось бесшумно потянуть на себя дверцу холодильника, как вдруг из столовой донесся звонкий, при-торно-мелодичный голосок, от которого у меня внутри всё перевернулось:

— Сестра, с добрым утром!

Округлив глаза от неожиданности, я обернулась. За столом напротив, чинно сложив руки, сидела Лиза, а по бокам от неё — родители. Стоило этой девчонке подать голос, как две пары родительских глаз синхронно, словно по команде, повернулись в мою сторону.

«*Тупая дура. Из-за тебя я попала...*» — выругалась про себя, послав Лизе самый яростный взгляд, на какой только была способна.

Никогда родители не поднимались в такую рань. Неужели стрелки часов ушли так далеко вперед, пока я переворачивала комнату в поисках одежды?

Но стоило мне присмотреться к идеальной семейной идиллии, как дыхание перехватило. «Сестра» сидела на стуле, утопая в мягкой ткани той самой толстовки, которую я безуспешно искала всё утро. Они завтракали. Красивый, вылизанный глянцево-фасад, вот только ни меня, ни моего старшего брата за этим столом никто не ждал. Там были только родители и она — чужачка, которая одним своим присутствием вытеснила родных детей. С её появлением вся моя привычная жизнь окончательно полетела к чертям.

Мать перехватила мой тяжелый, фиксирующий взгляд и медленно перевела глаза на Лизу. «Бедная девочка» тут же испуганно вжала голову в плечи и судорожно вцепилась пальцами в край чужой кофты, стараясь казаться крошечной и незащищенной под моим давлением. Мать мгновенно повернулась ко мне, и её идеальные черты лица исказились от крайнего недовольства:

— Диана, что за взгляд? Ты пугаешь Лизу. Если оделась, то выходи. Не опаздывай на тренировку. Ты должна помнить, что обязана быть лучшей. Ты наша дочь.

Я опустила голову, пряча глаза, и до белых костяшек впились пальцами в лямку рюкзака.

— Прости, матушка. Наверное, я просто нервничаю перед конкурсом. Да и по братику очень скучаю.

Холодное, словно высеченное из гранита лицо отца мгновенно дрогнуло, жесткая складка у губ смягчилась. В отличие от меня, сына он выделял всегда — первенец, единственный мужчина-наследник, продолжение его бизнес-династии. Я же в этой системе координат оставалась лишь хрупкой фарфоровой куклой, ценным лотом, который нужно идеально вышколить и выгоднее продать замуж ради укрепления семейного статуса.

Единственным, кто по-настоящему согрел меня в этом бетонном замке, всегда был старший брат. Мой сообщник, мой главный секрет, с которым мы, пряча лица под капюшо-

нами, тайно сбегали гулять в шумный город. Но отец в своей маниакальной погоне за совершенством запер его в стены закрытой гимназии, откуда брата отпускали под строгим конвоем только на выходные, да и то не всегда.

— Не дави на неё слишком, — ровно, не терпящим возражений тоном произнес отец, отсекая любые возражения матери. — До конкурса осталось всего ничего. Если опаздываешь, я отвезу тебя на машине.

На мгновение у меня предательски дрогнула нижняя губа. В груди разлилась горькая, удушливая тошнота от того, что пришлось выставить имя брата как щит, но глубоко внутри, на самом дне души, отчаянно запульсировала глупая радость. Мне хотелось, чтобы их внимание — особенно внимание вечно безразличного, далекого отца — хотя бы на секунду принадлежало мне, а не этой приживалке.

— Да, было бы хорошо. На улице дождь, я могу не успеть, — тихо, почти беззвучно кивнула я.

Мать раздраженно, с шумом выдохнула сквозь зубы, закатила глаза и демонстративно вернулась к прерванному завтраку, пододвигая к Лизе вазочку с джемом.

Отец, уже полностью одетый и собранный, поднялся из-за стола. Он привычным, безупречно отточенным жестом поправил лацканы дорогого пиджака, застегнул одну пуговицу и ровным шагом направился к выходу, безмолвно давая понять: секунда задержки, и машина уедет без меня. Я торопливо сдернула с вешалки куртку и бросилась за ним, на ходу пытаюсь унять мелкую, нервную дрожь в пальцах.

Мысли хаотично, скрежеща, крутились вокруг одного и того же: как у Лизы оказалась моя толстовка? Я слишком хорошо помнила, куда бросила её вечером. Моя комната всегда оставалась закрытой территорией, личной крепостью, куда этой девчонке вход был заказан. Она переступила порог нашего дома только вчера, но уже успела заграбастать себе всё родительское тепло. А теперь, получается, она еще и таскает чужие вещи? Воровка, которая решила, что ей дозволено всё?

Внутри горячей волной закипала глухая, удушающая ярость, но я заставила себя сделать глубокий вдох. Обиды, слезы и открытые истерики в этом доме никогда не работали, здесь ценился холодный расчет. Действовать нужно тоньше.

Пока мы будем заперты в салоне автомобиля, у меня в руках окажется идеальный козырь. Нужно будет как бы между прочим, мягко и аккуратно пробросить в разговор утренний инцидент с одеждой. Бросить крошечную искру сомнения. Пусть он сам, со своим математическим, привыкшим к бизнес-анализу умом, сложит два и два и придет к нужному выводу.

Если отец поймет, что его новая святоша нечиста на руку, идеальный фасад Лизы пойдет глубокими трещинами. Ведь для него безупречное имя и репутация фамилии всегда стояли на недостижимой высоте, затмевая любые чувства. Сначала — фирма, железный статус в обществе, затем — старший брат как законный преемник, и только потом, где-то в невидимой тени, шла я.

Но грязных секретов, крысятничества и воровства отец не потерпит даже от «несчастной сиротки». Если мне удастся аккуратно очертить её в его глазах, возможно, этот идеальный образ рассыплется, и он откажется от мысли сделать эту девчонку частью нашей семьи...

Глава 3 + иллюстрации

От лица Дианы

Всю дорогу отец почти молчал, но вдруг заговорил, не отрывая взгляда от руля:

— Ты обычно рано выходишь. Случилось что?

Казалось, мое сердце пропустило удар. Это был мой шанс намекнуть, что Лиза украла мою толстовку. Хорошо, что отец сам завёл эту тему.

— Я просто искала любимую толстовку по квартире, но так и не нашла её на месте.

— Просто надела бы другую, — прервал он своим типичным цинизмом.

— Я так и поступила. Но на той был вышит герб балетной школы. А сегодня проверка формы.

Его рука сжалась на руле вплоть до побеления костяшек. Он так и не повернул головы, но все его мускулы мгновенно напряглись. Будто он знал что-то, чем не мог поделиться.

— Пуанты хоть не забыла?

— Нет, конечно, — я сжала ручку рюкзака покрепче, где как раз было всё необходимое.

— Насчёт формы я поговорю с твоим хореографом. Можешь не беспокоиться. Сосредоточься только на конкурсе. Даже педагоги высокого о тебе мнения. Диана, ты должна получить партию Белого лебедя и доказать, что достойна всех ожиданий, — он впервые за всю дорогу посмотрел на меня своим непоколебимым взглядом.

Я сжалась и опустила голову ниже.

— Я поняла, отец. Благодарю за вашу веру в меня.

— Ну и славно.

Больше отец со мной не разговаривал. Именно такой я должна была быть для них. Тихой, послушной, идеальной. Под стать семейному статусу.

Уже наступил вечер, и мои уроки в балетной школе закончились. Не знаю, что именно отец сказал педагогам, но никто не прицепился к отсутствию формы. Чему я была безумно рада. Появление Лизы и так доставило немало хлопот, не хватало ещё, чтобы меня отчитывали в классе.

Я любила балет. Несмотря на все трудности и давление, он оставался моей единственной отдушиной. Втайне я мечтала однажды стать примой-балериной оперного театра. Понимала, что это почти нереально, но на душе становилось тепло каждый раз, когда я смотрела на выступления знаменитых танцовщиц и представляла себя на их месте. К огромному счастью, вопреки всем сложностям, здесь я действительно добилась успеха.

Чего нельзя было сказать о школе. В обычных предметах я была полным нулём — начиная от математики и заканчивая английским. Учителя часто задавались вопросами и жаловались родителям, а те в свою очередь нанимали мне репетиторов. Не могу сказать, что я особо старалась. Для меня это были скучные, бесполезные дисциплины, но строгие преподаватели заставляли отсиживать занятия от звонка до звонка.

Сегодня я возвращалась домой пораньше — репетитор отменил сегодняшние занятия сразу после уроков.

— Наконец-то пятница... — тихо произнесла я, лениво бредя пешком. Завтра выходные, и на сегодня всё закончилось. Можно было отдохнуть пару дней.

Но стоило мне переступить порог дома, как всё моё хорошее настроение испарилось. Из гостиной доносились голоса незнакомцев. Стараясь остаться максимально незаметной, я попыталась проскользнуть мимо двери и подняться к себе в комнату, но мама меня окликнула:

— А вот и наша Белая лебедь! Прекрасная Одетта! — произнесла она со своей фирменной, натренированной улыбкой. — Заходи, дорогая, ты сегодня рано.

Такое обращение я удостоивалась только в одном случае — если дома были гости. Я зашла нехотя, но изо всех сил стараясь не подавать виду, и вежливо поздоровалась.

Мама похлопала по дивану рядом с собой, жестом приглашая сесть. Натянув вежливую улыбку, я подчинилась. По другую сторону от мамы сидела Лиза, на которую я взглянула лишь мельком. Она была одета в красивое розовое платье с пайетками, а её белокурые локоны были распущены — идеальная картина милой, послушной девочки.

«Знай я, что будут гости, надела бы своё белое платье для выступлений. Почему я всегда последняя, кто всё узнаёт в этой семье?» — подумала я про себя, отчаянно держа лицо.

Напротив нас сидел высокий темноволосый мужчина, а рядом с ним — мальчик примерно моего возраста или чуть старше. У него были такие же чёрные волосы и абсолютно равнодушный ко всему взгляд, который, впрочем, мгновенно сменился на более глубокий и нечитаемый, стоило ему увидеть меня.

— Великая Одетта, значит, — улыбнулся мужчина, окинув меня оценивающим взглядом с ног до головы.

Отчего-то мне стало жутко неудобно, и я невольно сжалась. Его взгляд слишком сильно напоминал осмотр товара. Мальчик же, наоборот, просто не мог оторвать от меня глаз.

— Занимаешься балетом? Значит, часто сияешь на сцене? — взгляд мальчика был пронзительным. В отличие от мужчины, он не оценивал меня, но мне всё равно становилось неуютно — казалось, он без разрешения заглядывает в самую душу.

— Да, бывает порой. Хотя мама сильно преувеличила — до идеала мне ещё далеко, — маска скромной и послушной дочери наделась сама собой.

— Вовсе нет! Вы бы видели, как она танцует! А все педагоги только её и хвалят, — тут же вмешалась мама.

— Ха-ха, вот как! — слегка хохотнул мужчина. — Что ж, она ваша гордость. Я вижу, Диана действительно идеальна, прямо как и мой Кейд, — он окинул взглядом сына.

Тот недовольно скривился, за что отец тут же бесцеремонно потрепал его по голове.

— Да ладно тебе, чего опять такой хмурый?

Мужчина усмехнулся, заметив, как Кейд ещё больше замкнулся в себе, и принялся всю хвалить своего наследника:

— Простите, мой сын вечно не в духе. Наверное, потому что на учёбе проводит больше времени, чем дома. Высшие баллы по всем предметам — впрочем, как и подобает будущему главе моей оружейной компании.

Персонажи в детстве:

Кейд (11 лет):

Диана (9 лет):

Глава 4 + иллюстрации

От лица Дианы

В гостиной повисла тяжелая, душная пауза. Мама продолжала держать на лице свою безупречную улыбку, но я видела, как едва заметно дрогнули уголки её губ при упоминании оружейной компании. Бизнес отца Кейда ворочал миллиардами, и наша семья, несмотря на весь свой статус, отчаянно нуждалась в таком сильном союзнике.

Кейд сидел неподвижно, уставившись в чашку с чаем. Ему явно было тошно от родительских хвастунов, и в этот момент я почувствовала к нему странный укол сочувствия. В свои одиннадцать лет он уже выглядел уставшим от этих взрослых игр, и мы оба были лишь красивыми витринами для амбиций наших родителей.

— Ох, высшие баллы — это потрясающе! — мамин голос так и лучился фальшивым восторгом. — Диана тоже делает успехи, хотя балет, конечно, отнимает почти всё её время. Кейд, дорогой, может быть, ты хочешь посмотреть наш сад? Погода сегодня чудесная, а Диане как раз не помешает немного подышать свежим воздухом после репетиций.

Я внутренне вздрогнула. Мама буквально выставляла меня, девятилетнюю, напоказ, пытаясь свести с наследником многомиллионного состояния.

— Я бы не отказался, — подал голос Кейд. Его взгляд снова переместился на меня, став чуть мягче. — Здесь душновато.

— Идите, идите, погуляйте, — благодушно махнул рукой его отец, делая глоток из своего бокала. — Нам с вашими родителями как раз нужно обсудить пару серьезных вопросов.

Пятилетняя Лиза, до этого тихо сидевшая на диване и перебирившая пайетки на своем розовом платье, вдруг подняла голову. Её огромные голубые глаза блеснули детским упрямством.

— Я тоже хочу в сад! — звонко заявила она, спрыгивая с дивана. — Там бабочки!

Мама на секунду нахмурилась, явно недовольная тем, что идеальное знакомство для старшей дочери нарушает этот маленький подкидыш, но портить образ идеальной матери перед важным гостем не решилась. Мне же наоборот на этот момент было все равно. Все чего хотелось так это быстрее исчезнуть из этой душной обстановки. Казалось, Кейд тоже разделял мое мнение.

— Хорошо, Лизонька, иди с ними. Диана, присмотри за сестрой.

Мы вышли через стеклянные двери террасы во внутренний двор. Прохладный весенний воздух приятным контрастом ударил в лицо после душной гостиной. Я шла по гравийной дорожке, чувствуя спиной пристальный взгляд Кейда. Лиза бежала чуть впереди, напевая под нос какую-то глупую детскую песенку и кружась, отчего её платье надувалось колокольчиком.

— Значит, Белая лебедь? — негромко нарушил молчание Кейд, поравнявшись со мной. Несмотря на разницу в два года, он казался куда взрослее и серьезнее обычных мальчишек.

— Это просто мамины фантазии, — тихо ответила я, не желая подыгрывать домашнему спектаклю.

— До главной партии мне еще работать и работать. А родители любят выдавать желаемое за действительное.

Кейд усмехнулся. В его усмешке не было злости, скорее горькое понимание.

— Знакомая история. Мой старик готов каждому встречному совать в нос мои табеля с оценками. Будто я не человек, а породистый щенок, которого он дрессирует для выставок.

Я удивленно посмотрела на него. В гостиной он казался высокомерным и отстраненным, но сейчас, без надзора отца, в нем проглядывал обычный ребенок, уставший от вечного давления.

— По крайней мере, ты силен в учебе, — вздохнула я, вспоминая свои провалы по математике. — А я... если у меня забрать балет, останется круглый ноль.

— Балет — это искусство, Диана. Это куда круче, чем зубрить формулы ради того, чтобы потом продавать автоматы и штурмовые винтовки, — Кейд остановился возле куста цветущей сирени и сорвал небольшую веточку, протягивая её мне. — Тебе идет белый цвет. Не слушай их.

Я почувствовала, как к щекам прилил жар, и поспешно взяла веточку, утыкаясь носом в ароматные цветы, лишь бы скрыть смущение. Девять лет слишком нежный возраст для таких комплиментов, пусть даже от одиннадцатилетнего мальчика.

В этот момент Лиза, споткнувшись о край бордюра, звонко хохотнула и плюхнулась прямо на траву. На её идеальном розовом платье тут же появилось грязное пятно.

— Ой, — Лиза посмотрела на коленку, а потом перевела взгляд на меня, надув губы. — Диана, я испачкалась. Мама будет ругаться?

— Не будет, если мы быстро сотрем это до того, как вернемся, — я вздохнула и подошла к ней, опускаясь на корточки, чтобы отряхнуть подол её платья. Матушка доверила её мне. Не хотелось лишний раз её разочаровать. Лиза послушно замерла, разглядывая Кейда с детским любопытством.

А в это время в гостиной, за плотно закрытыми дверями, атмосфера разительно изменилась. Стоило детям скрыться из виду, как натянутое дружелюбие сменилось деловым прагматизмом.

Отец Кейда, вальяжно откинувшись на спинку кресла, крутил в руках пустой бокал. Его взгляд, только что казавшийся добродушным, стал холодным и расчетливым. Он посмотрел на моих родителей, которые сидели напротив, ожидая начала важного разговора.

— Прекрасные девочки, — ровным тоном произнес мужчина. — Диана настоящая картинка. Грациозная, воспитанная. Из неё выйдет отличная жена для какого-нибудь дипломата или политика. Красивый аксессуар для светских раутов.

Мама слегка побледнела, а отец нахмурился, почувствовав, куда дует ветер.

— Артур, мы полагали, что наши семьи могли бы заключить союз через Диану и Кейда, — прямо сказал мой отец. — Разница в два года идеальна, они прекрасно смотрятся вместе, и в будущем...

— В будущем моему сыну нужна не балерина, — бесцеремонно перебил его Артур, подняв руку. — Давайте отбросим эту вежливую шелуху. Диана прелестный ребенок, но за ней нет ничего, кроме её танцев и вашего семейного имени. А для оружейной империи этого мало. Моему бизнесу нужны твердые гарантии и колоссальные ресурсы.

Он перевел взгляд на пустующее место, где еще десять минут назад сидела младшая девочка.

— Меня интересует Лиза.

В комнате повисла оглушительная тишина. Моя мама даже приоткрыла рот от удивления, переводя взгляд с гостя на мужа.

— Лиза? — переспросил отец, нахмурившись еще сильнее. — Но ей всего пять лет. Между ней и Кейдом разница в шесть лет, она совсем ребенок!

— К тому же она является прямой и единственной наследницей корпорации её почивших родителей, — жестко отчеканил Артур, и в его глазах блеснул опасный огонек. — Да, сейчас она мала. Да, между ней и Кейдом есть разница в возрасте, но для стратегического союза это не имеет значения. Через тринадцать лет, когда Лизе исполнится восемнадцать, её акции и фонды станут законным приданым. Союз Кейда и Лизы объединит наши активы и создаст конгломерат, равных которому не будет на рынке.

Мама судорожно сглотнула, обретая дар речи:

— Но Артур... это ведь так долго. А Диана уже через несколько лет вошла бы в возраст...

— Диана никуда не денется, найдете ей другого жениха, — отмахнулся миллиардер, словно речь шла о залежалом товаре на складе. — А вот Лиза — это золотой билет. Я готов подписать предварительное соглашение о намерениях уже сейчас. Мы обеспечим вашей семье колоссальную финансовую поддержку, поможем закрыть ваши дыры в бюджете, о которых, поверьте, я прекрасно знаю. Взамен я хочу гарантий, что, когда придет время, Лиза станет женой Кейда. И никакие другие кандидатуры даже не будут рассматриваться.

Отец долго молчал, барабанил пальцами по подлокотнику кресла. Его лицо превратилось в каменную маску, но руки сжимающие подлокотники выдавали напряжение. Он взвешивал на весах гордость девятилетней старшей дочери и миллиардные контракты, которые плыли прямо к нему в руки благодаря маленькой сироте, которую они приютили.

— Что ж, — наконец глухо произнес отец, протягивая руку для рукопожатия. — Прагматизм всегда был твоей сильной стороной, Артур. Думаю, мы сможем прийти к соглашению. Девочка вырастет под нашим присмотром, и мы воспитаем её так, как нужно для этого союза.

Артур довольно усмехнулся и крепко пожал его руку. Судьба пятилетнего ребенка, который в этот момент весело смеялся во дворе, была решена за секунды.

Мы вернулись в дом через полчаса. Лизино платье удалось относительно привести в порядок, хотя небольшое зеленое пятнышко от травы все еще виднелось на подоле. Я ждала, что мама тут же устроит мне выговор за то что я не проследила, но, к моему удивлению, взрослые встретили нас в странном, приподнятом настроении.

Отец Кейда широко улыбался, а мой отец выглядел так, словно только что выиграл в лотерею.

— Ну что, молодежь, подышали воздухом? — громогласно спросил Артур, поднимаясь с кресла. — Нам пора ехать. Кейд, прощайся.

Кейд вежливо кивнул моим родителям, а затем повернулся ко мне:

— Рад был познакомиться, Диана. Надеюсь, ты получишь свою роль Белого лебедя.

— Спасибо, — тихо ответила я, чувствуя, как внутри разливается странное тепло. Впервые за мои девять лет кто-то пожелал мне удачи искренне, а не ради семейного престижа.

Артур тем временем подошел к Лизе. Он опустился перед ней на одно колено, из-за чего его массивный силуэт показался мне еще более пугающим. Он протянул руку и аккуратно коснулся белокурого локона девочки.

— Расти большой и красивой, маленькая принцесса, — мягким, но отчего-то зловещим голосом произнес он. — Мы с тобой еще очень, очень часто будем видеться.

Лиза испуганно спряталась за мамину юбку, крепко ухватившись за ткань ручками. Я инстинктивно сделала шаг назад, не желая замечать тяжелый, липкий взгляд мужчины на Лизе. Мне показалось странным такое внимание к пятилетней девочке, но тогда я еще не понимала, что в этот самый вечер наша жизнь круто изменилась. И балетная форма, потерянная утром, была самой меньшей из проблем, которые ждали нас впереди.

Лиза (5 лет):

Глава 5 + иллюстрация

От лица Дианы

Вечером того же дня родители были полностью увлечены Лизой как и обычно с тех пор как она появилась в нашем доме. Они суеились вокруг неё, расспрашивали о чём-то, а я сидела в углу, чувствуя себя лишней. Идеальная семья, только я и мой брат в академии лишние.

Но куда сильнее меня занимали мысли о недавних гостях. Слова господина Артура звучали в голове снова и снова, как заезженная пластинка. Что значило его настойчивое «мы ещё увидимся»? Они с Кейдом придут снова? Неужели они старые друзья семьи?.. Но я могла поклясться, что раньше никогда не видела их в нашем доме, да и имена эти не звучали в разговорах.

Несмотря на неприятный, липкий взгляд старшего господина, его сын Кейд оказался совсем не таким, каким я его себе вообразила в первые секунды. Он стал первым, кто похвалил меня по-настоящему — не из вежливости, а заметив мои старания на тренировках. Стоило мне вспомнить его пронизательный взгляд, как к щекам тут же прилиwała горячая волна, а сердце делало глупый кувырок.

Я резко трянула головой, прогоняя эти мысли, и заставила себя спустить ноги с кровати. Нужно было переключиться. Стояла глухая, душная ночь, а в горле после изнурительного дня пересохло так, что больно было глотать. Жутко хотелось пить. Чтобы не нарушать тишину дома и не привлекать к себе внимания, я не стала надевать тапки. На цыпочках, в одних носках, я выскользнула из комнаты. Половицы в коридоре были обманчиво тихими, но я знала каждое скрипучее место и умело обходила их.

Спустившись по лестнице, я уже предвкушала глоток прохладной воды, как вдруг замерла. Из-за приоткрытой двери кухни лился тонкий луч света, а вместе с ним — приглушённые, напряжённые голоса. Родители. Время давно перевалило за полночь, почему они не спят?

Детское, непреодолимое любопытство взяло верх над остатками благоразумия. Я затаила дыхание, медленно подошла ближе и прильнула к щели между дверью и косяком, боясь издать даже шорох.

— Да ты издеваешься! — раздался резкий, яростный голос отца, а следом тяжёлый, глухой хлопок ладони о деревянный стол. Наверное, чашки на полках зазвенели. Я невольно втянула голову в плечи.

— Издеваюсь?! — шёпотом, но с бешеной экспрессией отозвалась мать. Её голос заметно дрожал, срываясь от сильного волнения. — Это ты начал всё с самого начала, когда впустил в наш дом этого Артура! Ты вообще понимаешь, кто он? Он продаёт оружие! Слышишь меня? Оружие! Из-за твоих сомнительных сделок вся наша семья теперь под прицелом, мы под угрозой!

Наступила секундная, звенящая пауза. Было слышно только тяжёлое, прерывистое дыхание отца.

— А что мне, к чёрту, оставалось делать?! — рявкнул он, уже не сдерживаясь. — Напомнить тебе, из-за кого я влез в эти долги? Это ты со своим любовником, который на 10 лет младше меня, втихую выпотрошила активы моей компании! Оставила меня с голым задом!

От этого хлёсткого обвинения мать судорожно, со свистом ахнула. В тишине ночи её испуганный вдох прозвучал неестественно громко.

— Замолчи! Прекрати немедленно! — взмолилась она, и в её голосе послышались слёзы. — Девочки спят наверху. Будь ты хоть немного тише, они же всё услышат!

— Ах, надо же, сейчас ты вспомнила про девочек! — в голосе отца злость на мгновение уступила место какой-то жуткой, ломающейся горечи. — А когда ты развлекалась за моей спиной с парнем помоложе, ты о наших детях думала? Об их будущем ты пеклась?!

— Я знаю, хорошо? Я всё знаю! — запричитала мать, и по звуку послышалось, что она сделала шаг к нему, пытаясь умиловить, заглянуть в глаза. — Я совершила страшную ошибку, мне нет прощения, я знаю это... Но господи, Стивен, я ведь попыталась всё исправить! Я нашла выход!

— И как же? — ледяным, полным презрения тоном спросил отец. — Принеся в дом чужого ребёнка? Чёрт возьми, Анастасия! У нас и так критические финансовые проблемы, а теперь мне придётся кормить и обеспечивать эту сиротку?!

За дверью воцарилась удушающая тишина, а у меня внутри всё сковал ледяной холод. Сиротку? Лизу?.. Но как она может исправить их финансовые проблемы?

Внезапно внутри всё сжалось, а в животе завязался тугой, болезненный узел. Наверное, любой обычный ребёнок на моём месте сначала почувствовал бы злорадство, смешанное с презрением и жгучей завистью. Ведь именно Лиза в последнее время получала всё то родительское внимание, которого мы с братом были лишены, сколько я себя помнила. Да, отец проводил много времени с братиком, но теперь я отчётливо понимала: не из большой любви, а только потому, что тот — наследник, продолжение его уязвлённого эго. Его спешная ссылка в закрытую частную гимназию в другом городе была тому лучшим доказательством.

В одно мгновение все мои прежние обиды показались глупыми и мелкими. Моя лучшая балетная форма, которую Лиза без спроса стащила, её капризы, родительские умиления и вечные похвалы в её адрес — всё это в секунду потеряло для меня всякую ценность. Пелена спала с глаз. Я наконец-то разглядела истину: Лиза не была любимицей. Она была такой же беззащитной девочкой, как и я, которую родители столь же расчётливо и безжалостно использовали в своих грязных играх.

Во рту разлилась едкая, тошнотворная горечь. Мне стало до одури стыдно и неприятно от собственных недавних предрассудков и злости на неё. Снизу всё ещё доносились глухие, яростные раскаты отцовского голоса и оправдания матери, но слушать этот кошмар дальше не было никаких сил.

Забыв про жажду, я развернулась и на неслушающихся, ватных ногах двинулась обратно. Поднимаясь по тёмным ступенькам лестницы, я судорожно пыталась переварить услышанное, как вдруг посреди мёртвой тишины второго этажа до меня донёсся странный звук.

Я замерла, едва дыша. Из-за приоткрытой двери комнаты Лизы доносился едва различимый, прерывистый шорох... Как будто кто-то лихорадочно копошился в темноте.

Господин Артур:

Глава 6 +иллюстрация

Глава 6

Несколько лет спустя...

Время летит странно. Кажется, ещё вчера я сидела на полу той тёмной кухни, слушая, как рушится брак моих родителей, а сегодня мне уже восемнадцать.

Дом окончательно превратился в место, куда приходят только ночевать. Отец всё так же пропадал на работе, пытаясь закрыть долги, мать делала вид, что ничего не произошло, а я просто с головой ушла в балет. Это стало моей персональной одержимостью. Мои ноги вечно в пластырях, ногти на больших пальцах периодически синеют и сходят, а в сумке всегда пахнет тальком и старыми пуантами. Но когда я стою на сцене, вся эта домашняя гниль исчезает. Золотые кубки и грамоты за первые места уже не помещаются на полке в моей комнате — я собираю их с каких-то региональных и закрытых конкурсов один за другим. Про меня говорят «перспективная», но на деле я просто пашу как проклятая, чтобы не сойти с ума. В этом году Лиза тоже перевелась в мою старшую школу. И, господи, насколько же мы разные.

Если мне приходится выгрызть каждый сантиметр признания через адскую физическую боль, Лизе достаточно просто зайти в класс. Она расцвела как-то в один момент — тонкая, изящная, с копной ухоженных белокурых волос и этой её дурацкой, открытой улыбкой, которая сразу располагает к себе людей.

В первый же день вокруг неё образовалась толпа. Парни таскали её учебники, девчонки из группы поддержки звали обедать за свой стол. Она стала «красивым цветком» школы без малейших усилий, просто оставаясь собой.

А потом в моей жизни появился Нейт.

Он учился на год старше, играл в школьной сборной по футболу и был тем самым классическим блондином-спортсменом, по которому сохла добрая половина параллели. У него вечно были разбиты костяшки пальцев, от него пахло мятной жвачкой и дезодорантом Ах, а его дурацкая привычка парковаться прямо у главного входа раздражала всех учителей.

Мы начали встречаться абсолютно глупо — столкнулись в библиотеке, куда он пришёл отрабатывать заваленный тест по истории, а я пряталась от классного руководителя. Он не стал строить из себя крутого парня, просто сел рядом, забрал у меня из рук сборник стихов и спросил, почему у меня такое лицо, будто я собираюсь кого-то убить.

Нейт стал моим первым парнем. Моим первым настоящим близким человеком за пределами балетного класса. Когда мы гуляли по вечерам после его тренировок, он заставлял меня снимать обувь и массировал мои вечно гудящие ступни, ни разу не поморщившись от вида моих мозолей.

Конечно, Лиза не могла остаться незамеченной. Когда они впервые пересеклись в общем коридоре, она, привыкшая к тотальному обожанию, как бы невзначай уронила перед ним ключи от шкафчика и улыбнулась своей самой обезоруживающей улыбкой. Любой другой парень уже поплыл бы. Но Нейт просто перешагнул через эти ключи, даже не повернув головы, потому что в этот момент махал мне рукой с другого конца коридора.

Он вообще не обратил на неё внимания. Ни в тот день, ни позже, когда она пыталась заговорить с ним в столовой под предлогом помощи с каким-то школьным проектом. Для Нейта Лиза была просто «младшей сестрой Дианы», блеклым фоном, на который не стоило тратить время.

И именно в этот момент, глядя, как он обнимает меня за плечи и полностью игнорирует признанную школьную королеву, я пропала окончательно. Моё сердце, до этого державшее глухую оборону, сдалось без боя. Тот факт, что самый популярный парень школы выбрал меня

— со всеми моими загонами, синяками от тренировок и сложным характером, — проигнорировав идеальную, безупречную Лизу, заставил меня влюбиться в него до дрожи в коленях.

Впервые в жизни кто-то смотрел на меня так, будто я была единственной девушкой в этой чертовой вселенной, оставляя Лизу далеко позади.

В отношениях с Нейтом я впервые в жизни почувствовала, что такое дышать полной грудью. Рядом с ним все тени нашего огромного, холодного дома наконец-то рассеивались. Постоянное ментальное давление со стороны матери, вечные кухонные разборки родителей за закрытыми дверями, от которых тошнило, и даже щемящая тоска по младшему брату, которого отец так поспешно услад в закрытый пансион и по которому я безумно скучала, — всё это отходило на второй план. Нейт забирал меня после моих изнурительных репетиций, мы покупали дешёвый фастфуд, садились на капот его старой машины, и я просто смеялась. Без оглядки на то, что обо мне подумают, без страха совершить ошибку. Впервые я была абсолютно, по-настоящему свободна, и в глубине души наивно верила, что это хрупкое счастье будет длиться вечно.

Но реальность умеет бить наотмашь, напоминая, в каком болоте я на самом деле живу. В один из дней я вернулась с тренировки раньше обычного. Едва переступив порог, я услышала приглушённые голоса и смех, доносившиеся из гостиной. Этот низкий, слегка вкрадчивый голос я узнала бы из тысячи — господин Артур. Наверное, снова явился с очередными дорогими подарками для Лизы и родителей.

С той самой кошмарной ночи несколько лет назад, когда я подслушала разговор на кухне, Артур стал постоянным гостем в нашем доме. Он появлялся с завидной регулярностью, привозил огромные коробки, перевязанные лентами, и окружал Лизу просто ошеломляющим, удущающим вниманием.

Поначалу, будучи глупым ребёнком, я искренне не понимала, почему посторонний, опасный мужчина так носится с чужой девочкой. Но пазл сложился, когда пелена окончательно спала: Лиза с самого начала была обещана Кейду. Наша семья буквально продавала её, чтобы закрыть долги отца перед этим синдикатом. До совершеннолетия Лизы оставалось всего несколько лет, и мама уже вовсю, с каким-то пугающим, лихорадочным энтузиазмом готовилась к грандиозной помолвке, выбирая ткани для платьев и обсуждая списки гостей.

И если Артур обрабатывал Лизу и родителей, то его сын Кейд... Кейд выбрал своей целью меня.

Это было странно, пугающе и абсолютно необъяснимо. Кейд незримой тенью присутствовал везде, где бы я ни участвовала. Стоило мне поехать на региональный конкурс, закрытый показ или престижный балетный фестиваль — я неизменно видела его высокую фигуру в VIP-ложе или среди первых рядов партера.

Каждый божий раз, когда я заканчивала выступление и забирала очередную награду, именно Кейд оказывался тем, кто первым подходил к сцене. Он никогда не кричал, не привлекал лишнего внимания, просто молча протягивал мне невероятные, огромные букеты моих любимых цветов, пронзая меня своим тяжёлым, слишком проницательным взглядом. Из-за этого меня каждый раз пробирал озноб.

Но после того как я узнала правду про его будущую помолвку с Лизой, эти знаки внимания стали казаться мне верхом лицемерия и какой-то извращённой игры. Он собирался жениться на моей названной сестре, так какого чёрта он преследовал меня? Чувство брезгливости и дискомфорта напрочь отбивало желание даже вежливо с ним здороваться.

Я приняла единственное верное решение — полностью дистанцироваться от него и начать игнорировать, пусть и не заявляя об этом в открытую.

Но Кейда это, кажется, только раззадоривало. Его настойчивость граничила с манией. Он писал и звонил мне каждый божий день. На экране телефона то и дело всплывали лаконичные

сообщения с вопросами о моём самочувствии, о том, как прошла репетиция, или с предложениями подвезти до академии. Поначалу, боясь гнева отца или проблем для семьи, я отвечала ему — сухо, односложно, буквально сквозь зубы. Но даже от этих редких переписок по спине пробегали липкие, тревожные мурашки — я слишком хорошо помнила, кто его отец и на что способны эти люди.

Всё изменилось, когда в моей жизни появился Нейт. Обретя в этих отношениях смелость и защиту, я поняла, что больше не хочу и не буду терпеть этот скрытый прессинг. В один из вечеров, когда Кейд снова прислал очередное «Как твои ноги после прогонов?», я просто нажала кнопку «заблокировать» на всех его номерах и в социальных сетях. Без объяснений. Без предупреждений.

Наши встречи сократились до абсолютного минимума — мы пересекались только в рамках официальных, душевных семейных ужинов, где мне приходилось натягивать фальшивую улыбку.

Но, к моему огромному облегчению, вскоре Кейд поступил на какой-то престижный, желаемый факультет за границей и улетел из страны. С тех пор я его не видела. И, честно говоря, была этому не просто рада — я впервые почувствовала, что петля на моей шее наконец-то ослабла.

Диана (18 лет) на сцене:

Глава 7 +иллюстрация сцены

От лица автора

Вечернее солнце медленно опускалось за горизонт, окрашивая раскидистые кроны деревьев на окраине городского парка в глубокие багровые и золотистые тона. В этот час здесь было почти безлюдно. Прохладный весенний ветер шелестел прошлогодней листвой и доносил едва уловимый запах цветущей дикой вишни. По асфальтированной дорожке, ведущей вглубь парковой зоны, не торопясь шли двое, и весь их облик создавал удивительный, почти осязаемый контраст.

Диана шла чуть впереди, её движения, даже самые простые и повседневные, выдавали годы изнурительных балетных тренировок. Прямая осанка, легкий, почти невесомый шаг и то, как она держала голову, — во всем сквозила привычная грация. Однако её тонкие пальцы то и дело нервно перебирали ремешок перекинутой через плечо сумки, в которой угадывались контуры балетных туфель. Напряжение, ставшее для неё в последнее время постоянным спутником в стенах родного дома, все еще читалось в плотно сжатых губах и настороженном взгляде.

Нейт шел рядом, подстраиваясь под её шаг. Его высокая, крепкая фигура в неизменной спортивной куртке казалась воплощением спокойной, уверенной силы. Он выглядел абсолютно расслабленным, но те, кто знал его ближе, заметили бы, как внимательно он отслеживал каждое изменение в лице Дианы. Его вечно сбитые на футбольных тренировках костяшки пальцев сейчас были скрыты — он мягко, но уверенно перехватил её ладонь, переплетая свои пальцы с её.

Когда их руки соединились, Диана едва заметно вздрогнула, но тут же расслабилась. Тепло, исходившее от его ладони, действовало на неё как надежный якорь. Ощущение того, что прямо сейчас, в эту самую минуту, весь остальной мир с его сложными семейными тайнами, долгами отца и гнетущими ожиданиями матери остался где-то далеко позади, заставило её шумно выдохнуть скопившийся в груди тяжелый воздух. Внутри неё, вопреки привычной тревоге, робко затрепетали те самые «бабочки», о существовании которых она раньше знала только из сентиментальных романов. Рядом с Нейтом её глухая оборона рушилась безболезненно и легко.

Они дошли до старой деревянной скамьи, стоявшей в тени раскидистого клена, и остановились. На город стремительно опускались сумерки, зажигая первые бледные звезды на темнеющем небосводе. Нейт повернулся к Диане, не выпуская её руки, и взгляделся в её лицо. В его темных глазах отражался мягкий свет заходящего солнца, и в этот момент в них не было привычного школьного озорства — только глубокая, искренняя нежность.

Тишину, установившуюся между ними, первым нарушил именно он. Его голос прозвучал низко и слегка вкрадчиво, нарушая мерный шелест листвы.

— Диана, слушай... — Нейт сделал небольшую паузу, словно подбирая правильные слова, и на его губах появилась та самая теплая, чуть лукавая улыбка, которая всегда заставляла её сердце биться чаще.

— Что думаешь насчёт того, чтобы поехать на горы вдвоём? Только ты и я. Ночью, в лесу, на природе.

Диана удивленно приоткрыла губы, переводя на него взгляд. Идея прозвучала настолько неожиданно и инородно для её привычного, расписанного по минутам графика между школой и балетным станком, что она не сразу нашлась что ответить. Ночной лес, горы, абсолютная уединенность — это казалось чем-то из совершенно другой, чужой жизни, где нет места вечной погоне за идеалом и страху совершить ошибку.

— В горы? Ночью? — переспросила она, и в её голосе смешались легкое недоверие и вспыхнувший в глубине души интерес. — Нейт, это звучит безумно. Моя мать... ты же знаешь,

она контролирует каждый мой шаг. Если я не вернусь вовремя после репетиции, начнется допрос.

Нейт тихо рассмеялся, и этот звук окончательно развеял остатки её сомнений. Он сделал шаг ближе, сокращая расстояние между ними до минимума, так что Диана почувствовала едва уловимый запах его одеколона и мятной жвачки.

— Оставь свою мать и её контроль хотя бы на одну ночь, Ди — мягко произнес он, осторожно коснувшись свободной рукой её щеки. Его пальцы были теплыми и шероховатыми. — Мы все продумаем. Ты скажешь, что у тебя дополнительный ночной прогон перед конкурсом или что ты остаешься у подруги. Я заберу тебя прямо от академии. У меня есть проверенное место на склоне, оттуда весь город виден как на ладони, а вокруг — только вековые сосны и тишина. Никаких учителей, никаких репетиторов, никакой домашней суеты. Только ты, я и звезды.

Диана смотрела в его глаза и чувствовала, как поддается этому искушению. Сама мысль о том, чтобы сбежать ото всего, что так долго давило на неё, казалась ей глотком ледяной, чистой воды в удушливую жару. В горах, среди дикой природы, где нет фальшивых улыбок и обязательств, она могла бы стать просто восемнадцатилетней девушкой, а не «перспективной балериной», на которую возложены чужие надежды и чужие долги. Рядом с Нейтом, готовым увезти её на край света на своей старой машине, она впервые ощутила вкус настоящей, никем не контролируемой свободы.

— Только ты и я... — тихо, словно пробуя слова на вкус, повторила Диана. На её лице впервые за весь долгий день появилась мягкая, открытая улыбка. — Хорошо. Давай сделаем это. Давай сбежим.

Нейт довольно заулыбался, и в его взгляде вспыхнул торжествующий огонек. Он притянул её к себе ближе, обнимая за плечи и утыкаясь подбородком в её макушку. В этот момент, стоя на пороге сумерек на окраине парка, они оба верили, что эта грядущая поездка в ночной лес станет началом чего-то совершенно нового, их личной тайной, скрытой от чужих тяжелых взглядов и холодных стен её дома. Они планировали свой побег, не подозревая, что это хрупкое, обретенное счастье уже находится под прицелом обстоятельств, изменить которые они были не в силах.

Диана и Нейт

Глава 8 + горяченькое

Асфальт под колесами старого седана Нейта сменился шербоатой, потрескавшейся дорогой, которая змейкой уходила вверх, прорезая подножие горного хребта. Город остался позади — теперь он лежал в низине огромной, переливающейся неоновыми огнями чашей, но здесь, на высоте, цивилизация стремительно теряла свою власть. Вокруг расстилалась полупустынная, дикая местность. Редкие кустарники и кривые стволы горных дубов в темноте напоминали застывших причудливых чудовищ.

Цикады надрывно стрекотали в сухой траве, создавая плотный, вибрирующий гул, который пробивался даже сквозь приглушенный рокот старенького мотора.

Диана сидела на пассажирском сиденье, прижавшись лбом к прохладному боковому стеклу. Напряжение, державшее её все эти дни, постепенно отпускало, сменяясь приятной, обволакивающей усталостью. Музыка из полуразбитых динамиков лилась негромко, убаюкивающе. Она повернула голову и посмотрела на Нейта. Его профиль в неверном свете приборной панели казался высеченным из камня: сосредоточенный взгляд, уверенные руки на руле, легкая, едва заметная улыбка, стоило ему поймать её ответный взор.

— Ну как, беглянка? — негромко спросил Нейт, протягивая руку и накрывая её ладонь своей. — Дышится легче?

— Намного, — честно призналась Диана, переплетая свои пальцы с его. — Мне кажется, я впервые за несколько лет не думаю о том, какую позицию займут мои ноги на утреннем станке и что скажет мама, если я опоздаю на завтрак на пять минут. Спасибо тебе.

— Это только начало, — пообещал он, бросив короткий взгляд на дорогу, которая становилась всё более извилистой и узкой. С одной стороны теперь высилась отвесная скалистая стена, с другой — уходящий в темноту крутой обрыв.

— Через пару миль будет старая смотровая площадка. Там сосны пахнут так, что кружится голова, и кажется, будто до неба можно дотянуться рукой.

Диана закрыла глаза, мысленно рисуя эту картину. Свобода казалась ей осязаемой, почти пьянящей. Но это хрупкое ощущение безопасности разбилось вдребезги в одно мгновение.

Тишину пустынной ночной трассы внезапно разорвал резкий, агрессивный, оглушительный рев форсированного мотора. Этот звук не приближался постепенно — он ворвался в пространство мертвой петлей, заставив Диану вздрогнуть и распахнуть глаза.

В зеркале заднего вида Нейта вспыхнул ослепительный, мертвенно-белый свет мощной светодиодной фары. Кто-то несся за ними на бешеной скорости, буквально вжимаясь в бампер их машины.

— Что за черт... — процедил Нейт, его расслабленность мгновенно испарилась, плечи напряглись, а пальцы до белизны костяшек вцепились в рулевое колесо.

Мотоциклист шел на таран, не сбавляя ход. Черный, тяжелый спортивный байк маневрировал на узкой дороге с пугающей, почти самоубийственной грацией. Всадник, полностью облаченный в глухую черную кожаную экипировку, казался единым целым со своей машиной. Лицо его было скрыто за абсолютно черным, зеркальным визором массивного шлема, в котором отражались редкие лунные блики.

— Нейт, он слишком близко! — вскрикнула Диана, оборачиваясь. Страх ледяной иглой вонзился в грудь. — Зачем он это делает?!

— Держись! — рявкнул Нейт, пытаясь принять вправо, ближе к скале, чтобы пропустить безумца.

Но у мотоциклиста были другие планы. Вместо того чтобы обогнать их и умчаться вперед, байк резко перестроился левее, поравнялся с водительской дверью и с оглушительным скрежетом и ревом подрезал седан. Черный силуэт вылетел прямо перед капотом машины

Нейта, закладывая крутой, опасный вираж. Заднее колесо мотоцикла сорвалось в юз, высекая из асфальта снопы искр и поднимая тучу сухой пыли и мелкого щебня.

Нейт со всей силы ударил по тормозам. Диана вскрикнула, когда ремень безопасности больно врезался ей в грудь, удерживая от удара о лобовое стекло. Машину повело юзом, шины отчаянно закричали, стираясь об острые камни, и автомобиль замер буквально в каком-то метре от остановившегося поперек дороги мотоцикла.

В салоне повисла тяжелая, звенящая тишина, нарушаемая лишь прерывистым дыханием Дианы и шелканьем остывающего глушителя. Дорогу полностью заблокировал всадник в черном. Он не глушил мотор; тяжелое, утробное рычание байка вибрировало в воздухе, заполняя собой всё пространство вокруг. Незнакомец сидел неподвижно, не снимая рук с руля, и сквозь непроницаемое стекло его шлема невозможно было понять, куда направлен его взгляд. Но всё его тело буквально излучало глухую, концентрированную ярость.

— Сиди в машине, — ледяным, неестественно спокойным голосом произнес Нейт. В его глазах, где еще полчаса назад светилась нежность, теперь горел опасный, озлобленный огонь. Защитный инстинкт альфа-игрока школьной футбольной команды сработал мгновенно. Кто бы ни сидел на этом байке, он подверг опасности Диану, и этого Нейт прощать не собирался.

— Нейт, не надо! Пожалуйста, останься! — Диана схватила его за рукав куртки, но он мягко, но непреклонно высвободил руку.

— Всё нормально, Ди. Сиди здесь и заблокируй двери.

Нейт резко толкнул тяжелую дверь автомобиля и выскочил наружу. Горный воздух, ворвавшийся в салон, показался Диане обжигающе холодным. Парень решительным, размашистым шагом направился к мотоциклисту. Его кулаки были сжаты, а лицо искажено гневом.

— Ты, ублюдок! Ты что творишь?! — заорал Нейт, перекрикивая гул мотора. — Ты нас чуть в кювет не отправил! А ну слезай со своего корыта, пока я сам тебя с него не снял!

Мотоциклист отреагировал не сразу. Он медленно, с вызывающим спокойствием опустил боковую подножку, перекинул ногу через сиденье и поднялся во весь рост. Он был высок, широкоплеч, и в своей черной кожаной куртке выглядел внушительно и угрожающе. Шагнув навстречу Нейту, он остановился в паре шагов.

Диана, замерев от ужаса на пассажирском сиденье, неотрывно смотрела через лобовое стекло. Сердце в её груди билось как сумасшедшее. Что-то в силуэте незнакомца, в его тяжелой, уверенной поступи показалось ей до боли, до дрожи знакомым.

Человек в черном поднял руки к голове. Раздался негромкий щелчок фиксаторов, и он плавным движением снял шлем. В ту же секунду лунный свет упал на его лицо, и Диана судорожно выдохнула, прижав ладонь к губам. Кейд.

Его темные волосы были растрепаны и слегка влажными от пота, но больше всего пугал его взгляд. Глаза Кейда, обычно холодные и расчетливые, сейчас горели первобытным, диким гневом. Челюсти были сжаты так, что на скулах перекатывались желваки. Вся его фигура дышала опасностью. Он выглядел как человек, готовый убивать.

Нейт, ожидавший увидеть какого-нибудь пьяного местного лихача, на секунду осекся, заметив Кейда, но тут же вернул себе боевой настрой. Между парнями давно существовало негласное, глухое соперничество, и сейчас оно достигло своего пика.

— Кейд? — зло выплюнул Нейт, делая еще шаг вперед, так что они оказались почти вплотную друг к другу. — Ты совсем из ума выжил, психопат? Ты мог нас убить! Какого черта ты преследуешь нас?!

Кейд даже не взглянул на Нейта. Весь его острый взгляд был направлен в машину, где сидела Диана, вся его концентрация была сосредоточена именно на факте её присутствия здесь. Он проигнорировал выпад Нейта, сделав глубокий, прерывистый вдох, словно пытался сдерживать рвущуюся наружу лавину ярости.

Его голос, когда он заговорил, был низким, хриплым и вибрировал от едва сдерживаемого бешенства:

— Держи свои руки подальше от Дианы.

Нейт опешил от такой наглости и издал короткий, издевательский смешок, хотя его глаза оставались суженными и опасными.

— Что ты сказал? Ты кто такой, чтобы указывать мне, что делать? Диана поехала со мной добровольно. Она не твоя собственность, Кейд. Так что проваливай назад в город на своем пылесосе, пока я...

Кейд не дал ему договорить. Он сделал резкий, стремительный шаг вперед, сокращая дистанцию до минимума, и его палец жестко ткнулся в грудь Нейта.

— Я повторяю для особо тупых, — процедил Кейд сквозь зубы, и в его голосе зазвучал металл, от которого по спине пробежал мороз. — Держи. Свои. Руки. Подальше. От Дианы.

— Да пошел ты! — Нейт резко оттолкнул руку Кейда от своей груди. — Ты не имеешь права...

— Мне плевать на твои права, Нейт, — перебил его Кейд, и его лицо оказалось в паре сантиметров от лица соперника. Глаза Кейда расширились от ярости, а голос сорвался на опасный, тихий рык — Если я еще хоть раз увижу, что ты прикасаешься к ней, если я узнаю, что ты увез её черт знает куда ночью... я тебя уничтожу. Слышишь меня? Держи руки подальше от Дианы. Навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.